

намъ тогда къ великому недоумѣнію нашей критики, затронули его позднѣе не новыми задачами, а развѣ мотивами, которые растворялись въ готовомъ уже міросозерцаніи; таково и его отношеніе къ байронизму. Онъ не романтикъ, какимъ называли его у насъ и еще называютъ, а карамзинецъ, мимо котораго проходили событія и настроенія, зарождалась новая поэтическая школа, а онъ былъ тѣмъ же, какимъ сложился въ 1805 — 20-хъ годахъ, гуманно и любовно относясь ко всему, что было ему встрѣчно, что укладывалось въ его пониманіе жизни. Въ этомъ, а не въ иномъ смыслѣ, можно понять слова Пушкина въ салонѣ Смирновой, что Жуковский принадлежитъ скорѣе къ его поколѣнію, чѣмъ къ старому. Связью между нимъ и молодежью, выступившею тогда въ поэзіи, была искренность настроенія; онъ первый откровенно заговорилъ языкомъ сердца.

Эта искренность насъ закупааетъ несмотря на нѣкоторую ограниченность и неподвижность міросозерцанія. Въ немъ нѣтъ колебаній, нѣтъ страстныхъ порывовъ въ сторону, въ погонѣ за новыми призраками счастья, за новыми откровеніями истины, послѣ чего человѣкъ порой возвращается къ себѣ и лучше себя понимаетъ. Нѣтъ: все идетъ медленно, методично изъ однихъ и тѣхъ же началъ; намѣченное въ юношескихъ афоризмахъ повторяется потомъ въ интимныхъ письмахъ, въ статьяхъ, назначенныхъ для печати, проходитъ въ лирику. На разстояніи десятилѣтій, отъ первыхъ страницъ дневника 1804 и 1805 до 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, возрѣнія на главные вопросы жизни, нравственности, поэзіи, религіи, не мѣняются, новые опыты только помогаютъ ихъ упрочить, или обостряютъ, когда практика жизни и общественности шла имъ наперекоръ; онъ же не шелъ новому на встрѣчу, а лишь серьезнѣе оборонялъ то, что было ему дорого и имъ пережито.

Теперь, когда переписка Жуковского стала намъ извѣстнѣе прежняго и къ ней присоединились откровенія его дневника, его психологическій обликъ сталъ намъ яснѣе, ограниченность его кругозора понятнѣе. Въ ней его слабость и, вмѣстѣ, его сила;